

ЗАПРЕТ ЗАЙМОВ ПО ИГРЕ И ДЛЯ ИГРЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

© 2013 г. Вера Владимировна Ярыш¹

Краткая аннотация: история установления легальных запретов на выдачу займов во время игры берёт своё начало в XVIII в. Сначала такой запрет был установлен только для лиц, служащих на флоте, следовательно, имел ограниченное действие по кругу лиц. Первый общий (т.е. для всех субъектов права) запрет в отечественном праве давать займы для использования предмета займа в качестве ставки в игре появился в 1761 г. В XIX в. правило о непредставлении судебной защиты требованиям, вытекающим из обязательств по игре, было включено в Свод законов Российской Империи 1832 г.

Российское государство, не имея практической возможности запретить все игры вообще, всё же стремилось показать подданным своё негативное отношение к играм путём признания проигрыша в игре не имеющим никакой юридической силы, не влекущим никаких правовых последствий.

Annotation: the history of freezing loans during gambling starts in XVIII c. At first, such prohibition regarded to sailors only and it had an effect on a limited range of people. The first general (for all subjects of law) prohibition to give loans for betting appeared in 1761 in home law. In XIX c. failure of justice rule for the claims following from obligations in gambling was included into Compiled Statutes of Russian Empire of 1832.

Indeed Russia could not ban absolutely all games but it was longing to show its subjects the negative stance on gambling and a debt in gambling had no legal effect.

Ключевые слова: легальный запрет на выдачу займов во время игры.

Key words: legislative prohibition to give loans during gambling.

В дореволюционной России отношение к азартным играм со стороны закона было отрицательным. Основное внимание законодатель уделял вопросам уголовной ответственности за участие в азартных играх и за их организацию для публики, но, кроме этого, государство было озабочено прекращением практики займов в ходе игры. По мнению законодателя, установление запрета на заключение сделок по передаче имущества от одних лиц другим во время игры могло бы способствовать остановке игры до того, как она приобретёт разорительный характер для играющих. Действительно, в какой-то мере это можно считать более или менее оправданной мерой борьбы с разорительным эффектом от участия в играх: проигрыш в большинстве случаев перестанет быть больше количества наличных денег и иного имущества, имеющегося у игрока при себе либо, в более тяжёлом случае, имеющегося у него вообще (жильё, земля, драгоценности). В любом случае игрок не создаст ситуации, когда имеет непоплаченный долг, который не может покрыть своим имуществом в силу отсутствия последнего.

История установления легальных запретов на выдачу займов во время игры берёт своё начало ещё в XVIII в.

В Регламенте об Управлении Адмиралтейства и верфи и в части второй Регламента Морского от 5 апреля 1722 г. содержалась ст. 74 “О запрещении в публичных и в партикулярных домах кормить и давать денег и питья в долг”². В этой статье указывалось, что “вина и пива в долг на кредит отнюдь не давать, также и денег на проигрыш. А если кто... даст деньги на проигрыш, то, если тот, кто возьмёт, не заплатит сам, в суде надлежит отказать, понеже то учинено будет противно указу”³. Однако Регламент 1722 г. является актом, нормы которого применяются только к специальным субъектам. Согласно самому Регламенту “Коллегия Адмиралтейская имеет верхнюю дирекцию над людьми, строением и прочими делами, к адмиралтейству надлежащими, какого бы звания оные ни были, во всём Российском государстве”, т.е. нормы Регламента распространяли своё действие только на лиц, служивших на флоте, следовательно, имели ограниченное действие по кругу лиц. Таким образом, запрет на выдачу денег взаймы для использования в качестве ставки в игре берёт своё начало в нормативном акте – Рег-

¹ Доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета, кандидат юридических наук (E-mail: oktyabrina79@mail.ru).

² См.: Регламент об Управлении Адмиралтейства и верфи и часть вторая Регламента Морского от 5 апреля 1722 г. // Полное собрание законов РИ–I. Т. 6. Ст. 3937.

³ Там же.

ламенте об Управлении Адмиралтейства и верфи и части второй Регламента Морского 1722 г., но как общее правило, не ограниченное действием в отношении специального круга лиц, в этом акте такой запрет ещё не содержался.

В Сенатском Указе “О неигрании в карты и ни в какие игры на деньги или на какие вещи и пожитки” от 11 марта 1747 г. было с негодованием упомянуто, что игроки вопреки запретам “проигрывают в карты немалые деньги и в том проигрывше вексели дают”⁴. Как видно, выдача векселей во время игры для использования в качестве ставки хотя и не одобрялась государством, но и не запрещалась.

Ранее Сенатский Указ “О запрещении азартных игр и о дозволении играть в дворянских домах для препровождения времени и не на большие суммы в ломбер и прочия тому подобныя игры” от 16 июня 1761 г.⁵ вторым пунктом запретил выдачу векселей и закладов для игры. Это первый общий (т.е. для всех субъектов права) ясно выраженный запрет в отечественном праве давать займы для использования предмета займа в качестве ставки в игре. Все такие займы и заклады Указ предписывал “брать в казну”. Кроме того, предписывалось взыскивать штраф в размере займа или заклада и с тех купцов, которые принимают вексели по игре и переводят их на своё имя. Такое решение вопроса о займе, выданном в условиях игры, будучи впервые в качестве общего правила зафиксированным в Указе 1761 г., в дальнейшем пройдёт через всё отечественное законодательство: заём по игре недействителен. Получить принудительное исполнение по заёмному документу, выданному во время игры для ее целей, было нельзя.

В 1766 г. государство дважды подтверждало запрет на выдачу займов для игры и на принудительное их взыскание. В январе 1766 г. вышел именной Указ “Об уничтожении картежных долгов”⁶, а в марте Именной, объявленный из Сената, Указ “О подтверждении прежних законов, чтоб картежные долги уничтожать и при живом отце

неотделённым детям не вредить”⁷. Оба Указа предписывали “картежные долги уничтожить”. При этом в первом Указе дано обоснование этого правила: оно устанавливается “ко отвращению вошедшего злоупотребления нерадивых о собственном и наследственном имении”; пояснялось, что это правило представляет собой “новый знак материнского милосердия” со стороны императрицы для своих подданных.

В 1771 г. государство вновь обратилось к теме запрета картежных долгов – появился высочайше утверждённый доклад Сената “О неплатеже долгов, учиненных по картежной игре; об отказе уплаты денег заимодавцам, если заведомо на игру давали оные другим, и о разрешении продажи имений расточителей для удовлетворения кредиторов”⁸. Поводом к его изданию стала челобитная купца Григория Тембозы, просившего позволить ему взыскать капиталы по двум векселям, “оказавшимся в запретительных картах”. Но, следуя ранее изданным нормам, ссылаясь на них, государство предписывает “вексели, закладные и всякие крепости...уничтожить, и написанные в них суммы платить запретить”. При этом предписывалось возвратить те долги, которые были выданы без оповещения заимодавцев о том, что деньги берутся для игры. Механизма разграничения субъективной стороны выдачи займов, т.е. правил определения, знал ли заимодавец, для чего берется заём, закон, конечно, не предлагал. В силу этого исполнить норму о возврате займа, полученного для игры, но в условиях неведения об этом заимодавца, было практически невозможно, так как заёмщик сразу же ссылался на то, что он оповещал заимодавца о цели займа, чем снимал с себя обязательство по возврату долга.

По мнению В.О. Михневича, правило о запрете займов в условиях игры “должно было произвести большой переполох в тогдашнем игорном мире и если не искоренить игру в кредит, то сильно затруднить и спутать кредитные операции на зелёном поле”⁹. Кстати, он приходит к выводу и о том, что,

⁴ См.: Сенатский Указ “О неигрании в карты и ни в какие игры на деньги или на какие вещи и пожитки” от 11 марта 1747 г. // Полное собрание законов РИ-И. Т. 12. Ст. 9380.

⁵ См.: Сенатский Указ “О запрещении азартных игр и о дозволении играть в дворянских домах для препровождения времени и не на большие суммы в ломбер и прочия тому подобныя игры” от 16 июня 1761 г. // Полное собрание законов РИ-И. Т. 15. Ст. 11275.

⁶ См.: Именной Указ “Об уничтожении картежных долгов” от 16 января 1766 г. // Законодательство Екатерины II. В 2-х т. Т. 2. М., 2001. С. 284.

⁷ См.: Именной, объявленный из Сената Указ “О подтверждении прежних законов, чтоб картежные долги уничтожать и при живом отце неотделённым детям не вредить” от 10 марта 1766 г. // Полное собрание законов РИ-И. Т. 17. Ст. 12593.

⁸ См.: Высочайше утверждённый доклад Сената “О неплатеже долгов, учиненных по картежной игре; об отказе уплаты денег заимодавцам, если заведомо на игру давали оные другим, и о разрешении продажи имений расточителей для удовлетворения кредиторов” от 13 октября 1771 г. // Полное собрание законов РИ-И. Т. 19. Ст. 13677.

⁹ Михневич В.О. История карточной игры на Руси // Исторический вестник. 1901. № 83 (январь-март). С. 986.

видимо, именно легальная возможность не платить карточный долг сделала его (долг) “самым ответственным пунктом чести среди людей порядочных и светских, считающих себя аристократией”¹⁰.

Устав благочиния 1782 г., внёсший большую чёткость в правила о запрещённых и дозволенных играх, в ст. 67 установил прямой запрет на принудительное взыскание игрового долга: “Просьба же и иск о долге и платеже по игре да уничтожатся”¹¹. В ст. 256 и 257 того же акта установлен запрет купцам на выдачу займов для игры под страхом помещения в смиренный дом; дополнительно в п. 6 ст. 257 подтверждено, что “о долге и платеже по запрещённой игре просьба не приемлется и иск уничтожается”.

В XIX в. правило о непредставлении судебной защиты требованиям, вытекающим из обязательств по игре, было включено в Свод законов Российской Империи 1832 г., а именно: в ч. 1 т. X были включены ст. 1666, 2014, 2019.

Согласно п. 3 ст. 2014 Свода законов Российской Империи 1832 г. “займ считается ничтожным, если судом будет найдено, что... он произошёл по игре или произведён для игры с ведома о том займодавца”¹².

Согласно ст. 2019 Свода законов Российской Империи 1832 г. “долг, произошедший от игры или учинённый для игры, тогда только считается недействительным, когда учинён с ведома о том займодавца; но займ, учинённый хотя и для игры, но без сведения о том займодавца, сохраняет полную свою силу”¹³. В терминологии гражданских законов XIX в. – начала XX вв. “займом по игре” именуется обременённый в форму договора проигрыш, т.е. такая ситуация, когда никакого займа, собственно, не было, а кредитором по договору займа себя считает победивший в игре, требуя уплаты проигрыша с менее успешного противника по игре. Именно об этом специальном случае говорится в п. 3 ст. 2014 Свода законов Российской Империи 1832 г. В ст. 2019 того же акта говорится о займе, совершённом у третьего лица, не принимавшего участия в игре. Эти отношения именовались “займом для игры”.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Устав благочиния, или Полицейский, от 8 апреля 1782 г. // Российское законодательство X–XX вв. М., 1986. Т. 5. С. 321–387.

¹² См.: Законы гражданские (Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. 1. Изд. 1914 г.) со включением позднейших узаконений и разъяснений по решениям Общего собрания и Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената с 1866 г. по 1914 г. (включительно) / Под ред. А.К. Гаугера. Пг., 1915. С. 802.

¹³ Там же. С. 806.

Судебная практика того времени выработала ряд следующих правил применения указанных норм права:

закон признаёт ничтожным всякий займ, произошедший по игре, а не только займ, обременённый в форму заёмного письма, т.е. если стороны лишь устно условились, что дальше играют в долг, а не на наличные деньги, займ не приобретает юридической силы;

при этом даже если займ оформлен письменно, но игравший не знал, что противник играет в долг, займ не превращается в действительный: в этом различие положения участвующего в игре и третьего лица, выдающего займ. Предполагается, что игрок не может не знать, для чего совершается займ;

выдача долга по игре может быть доказуема свидетельскими показаниями¹⁴;

договоры и обязательства, хотя и не противные законам, но и не предусмотренные ими, не пользуются защитой судебной власти; пари... не может служить основанием обязательств;

нельзя требовать неуплаченного проигрыша, хотя бы игра происходила не в долг, а на наличное;

уплаченный проигрыш по биллиардной игре не может быть требуем назад, если сама игра не была признана азартной¹⁵.

Статья 1666 Свода законов Российской Империи 1832 г. устанавливала санкцию за совершение займов по игре или для игры в случае использования залога в качестве гарантии исполнения займа: “Если займ под залог сделан по игре или для игры с ведома о том в последнем случае займодавца, то такой займ не только считается недействительным, но и самый залог берётся в казну, и из цены оного половина отдаётся доносителю”¹⁶.

¹⁴ См.: Законы гражданские (Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. 1. Изд. 1914 г.) со включением позднейших узаконений и разъяснений по решениям Общего собрания и Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената с 1866 г. по 1914 г. (включительно) / Под ред. А.К. Гаугера. Пг., 1915. С. 804, 805.

¹⁵ Систематический свод решений кассационных департаментов Сената 1866–1871 г. с подлинным текстом решений, извлеченными из них тезисами и критическим разбором их. Т. 1 / Сост. А. Думашевский. СПб., 1872. С. 186, 187.

¹⁶ Законы гражданские (Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. 1. Изд. 1914 г.) со включением позднейших узаконений и разъяснений по решениям Общего собрания и Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената с 1866 г. по 1914 г. (включительно) / Под ред. А.К. Гаугера. С. 744.

Нельзя сказать, что такой подход к оценке займов по игре (запрет и непредставление судебной защиты) был бесспорен в отечественной юридической науке. Так, например, А. Любавский писал в 1875 г.: «Обращаясь к рассмотрению законоположения, признающего недействительной долговую претензию лица, давшего кому-нибудь деньги для игры, мы находим его не согласным с требованиями строгой справедливости. Для кредитора важно только получение процентов на свой капитал, а затем для него безразлично, какое употребление сделает должник из данных ему денег. Возлагать на займодавца контроль по действиям должника кажется нам поэтому неуместным»¹⁷, хотя следует признать, что это единственное мнение, которое удалось найти автору настоящей работы, высказанное против правила о непредставлении судебной защиты кредитору по займу, сделанному для игры. Все остальные современники изложенного правила аргументированно поддерживали его нахождение в составе норм права. Приводимые аргументы лежат в нравственной плоскости. Например, И.Д. Мейер в «Русском гражданском праве» пишет, что «нравственное чувство порядочного человека запрещает основывать долговые претензии на игре – самом праздном и дешёвом способе приобретения имущественных средств... по этим соображениям законодательство отказывается в охране долговым обязательствам, возникшим по игре... точно так же не признаются действительными письма, выданные для прикрытия взяточничества»¹⁸. Эта общепризнанная в XIX в. позиция была перенесена и в проект Гражданского уложения, которое так и не приобрело юридической силы: «Чтобы требование, возникающее из договора, пользовалось защитой закона, недостаточно, чтобы договор удовлетворял только таким отрицательным условиям, как нарушение закона или доброй воли сторон. Необходимо ещё, чтобы договор приводил к удовлетворению существенных потребностей не только тех лиц, которые вступают между собой в соглашение, а тем более не одного из них в ущерб другому, а потребностей общества или

государства. Необходимо, чтобы договор делал возможным достижение общепользовательных целей, а не вызывался желанием удовлетворить личной прихоти, капризу. ... Отсутствие общепользовательной цели – это внутренний мотив отказа требованиям, возникающим из игры, в судебной защите»¹⁹.

Обнаруживая единство мнений в теории и на практике по вопросу признания недействительными займов по игре и для игры (в случае знания займодавца о цели займа), Российское государство, тем не менее, не было абсолютно последовательным в запрете использования принуждения для понуждения к возврату игровых долгов. Дело в том, что в уставах большей части отечественных клубов, где велась игра, были предусмотрены те или иные меры, понуждающие участников игры в данном клубе платить игровые долги, например внесение имён неплательщиков в специальные списки, помещаемые в публичных местах. Учитывая, что все уставы вступали в действие только после утверждения правительством, государство, запрещая взыскание игровых долгов в одной части системы права, разрешало использование принудительных мер по взысканию тех же игровых долгов в другом месте. «Таким образом значительно парализуется действие общих законов, противодействующих карточной игре, производится разлад между законом и общественным мнением, которое, опираясь на клубные правила, считает карточные долги едва ли не священнее обыкновенных долгов»²⁰.

Таким образом, Российское государство не имело практической возможности запретить все игры вообще, но, разрешив некоторые игры, так как полный запрет был в определённый момент времени сочтён недопустимым вторжением в личную жизнь частных лиц, всё же стремилось показать подданным своё негативное отношение к играм. Таким средством протеста против игр со стороны государства стало признание проигрыша в игре не имеющим никакой юридической силы, не влекущим никаких правовых последствий.

¹⁷ Любавский А. О долговых обязательствах, выданных по игре // Юридические монографии и исследования. СПб., 1875. С. 449.

¹⁸ Мейер Д.И. Русское гражданское право. М., 2000. С. 607.

¹⁹ Гражданское уложение. Проект высочайше утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии ...) / Сост. А.Л. Саатчин; под ред. И.М. Тютрюмова. Т. 2. СПб., 1910. С. 1167.

²⁰ Любавский А. О долговых обязательствах, выданных по игре // Юридические монографии и исследования. С. 448.